

Борис Федорович Поршнева
«ВТОРАЯ ФРОНДА» и АНГЛИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Из истории общественных движений
и международных отношений
Сборник статей в память академика
Евгения Викторовича Тарле
Редактор-составитель В. В. Альтман
М.: изд-во Академии наук СССР. 1957. С.52-71

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011
Ссылки на тематические материалы даны нами после статьи

Вопрос о социальной природе Фронды, об ее идейном и политическом наследстве и значении для дальнейшей истории Франции не перестает привлекать внимание историков. То или иное его решение связано с более широкими концепциями, почти со всей проблематикой истории «старого порядка».

Е. В. Тарле был одним из тех, кто в полной мере оценил важность проблемы Фронды и поисков новых путей ее трактовки. «Эта самая Фронда,— говорил он в своем выступлении на докторском диспуте автора этих строк,— не есть собрание (которое из нее хотели многие сделать) анекдотов о дворе, об аристократии, о разных таинственных графинях, которые переезжают с места на место, а очень большое, очень тяжелое для народа, огромное движение, которое не имело соответствующего социально экономического фундамента, оно не привело тогда к очень большим результатам, но это не мешает ему занимать очень важные страницы в истории»¹. Е. В. Тарле настоятельно советовал автору продолжить изучение игнорировавшихся прежде аспектов Фронды, начатое в книге, вышедшей под редакцией Е. В. Тарле,— «Народные восстания во Франции перед Фрондой».

Продолжать изучение и анализ Фронды как общественного движения необходимо также в связи с появлением новых и новых книг за рубежом, дающих разные ответы на вопрос, что же представляла собою Фронда. В этом отношении интересно сопоставить два больших исследования, вышедших в недавние годы.

Одно из них принадлежит перу голландского историка Эрнста Коссмана. Автор попытался дать сводный труд, заново обобщающий данные источников и итоги историографии о Фронде. Коссман, между прочим, говорит в предисловии и о моей упомянутой книге. Ее недостаток он видит в том, что она написана марксистом, и поэтому ее выводы, в частности касающиеся Фронды, неприемлемы. «Я не могу не отклонить черезчур упрощенного мнения г-на Поршнева,— замечает Коссман,— хотя и признавая, что его поучительная и ученая (*suggestif et erudit*) книга более чем какая-либо другая помогла мне понять Фронду — если я ее понял»².

¹ Цит. по стенограмме выступления Е. В. Тарле на заседании Ученого Совета МИФЛИ им Чернышевского 26 декабря 1940 г. См также «Исторический журнал», 1941, № 5, стр. 147—149 (Ю. Шарапов Защита докторской диссертации на тему «Народные восстания во Франции в XVII веке»)

² Е. Н. Kossman *La Grande. Leiden*, 1954 p. > Эрнст Коссман считает, что правильно обошелся с моим исследованием французский историк Б. Тапье в своей книге о Франции при Людовике XIII и Ришелье, «позаимствовав многочисленные факты у своего русского коллеги, но весьма элегантно отбросив его выводы» (р. IX) Однако авторы с другим мировоззрением сами ведь не замечали этих фактов!

Как ни приятны мне эти любезные слова Е. Коссмана (ныне уже покойного), я должен сказать: нет, он не понял Фронды.

Дело в том, что Е. Косман в оценке и истолковании Фронды пошел по пути тех же странных парадоксов, которым шел его прямой предшественник (хотя гораздо хуже вооруженный знанием фактов) — французский академик Луи Мадлен: чем больше обнаруживается в истории Фронды демократических черт, прогрессивных идей, революционных действий, тем более следует считать Фронду реакционной, тем, так сказать, хуже для Фронды. И все это по чисто априорной причине: в середине XVII в. в истории Франции, согласно общепринятому ее пониманию, ничего этого не должно было быть. Следовательно, Фронда была бессмыслицей. Е. Косман не скрывает, что он пришел к чисто «негативной» интерпретации Фронды: «Ни парламентская революция, ни народная революция, ни феодальная революция не были по нашему мнению возможны во Франции XVII в., а раз так, Фронда остается периодом неблагоприятия и преувеличений, не имевших ни смысла, ни цели»³. Обнаруживается, скажем, огромное богатство смелых передовых идей в прессе Фронды, которую изучал Косман: идея подчинения государства общественному благу, идеи социальной борьбы, «столь ясно высказываемые в памфлетах, что можно лишь удивляться», и т. д., — автор с помощью чисто словесного парадокса перечеркивает историческое значение всего этого: «Человек еще не был готов для своих идей. Он еще отнюдь не чувствовал потребности рисковать из-за них жизнью... Они оставались сновидением беспокойного дня, случайной находкой в час бессонницы»⁴.

Наряду с такими бесплодными итогами изучения Фронды Косман кое-что заметил и понял: Фронда, говорит он, произвела как бы вивисекцию французского государства XVII в., и мы можем заглянуть в его внутренности, разглядеть его разъятые члены и органы. Оказывается, это абсолютистское государство вовсе не объединяло все тенденции и стремления подданных, а подавляло последних; «оно — результат не единства, а нейтрализации; оно — сумма уравновешивающих друг друга сил недовольства и противодействующих им сил»⁵. Однако эти мысли о классовой борьбе, о государстве как органе подавления недовольства лишь едва проступают в книге Космана. В целом она отстаивает старый и крайне односторонний взгляд на Фронду как движение по существу противоречившее историческому развитию Франции и чуждое французскому народу.

Другая монография, вышедшая несколько раньше, преследовала гораздо более скромную цель: осветить историю Фронды в одной из провинций — в Нормандии⁶. Но она основана на огромной массе новых фактов. И сама конкретность этого трехтомного исследования Ложье, сама насыщенность его фактами и материалами приводят автора к вскрытию революционной, демократической стороны всей этой достаточно сложной и запутанной эпохи. Фронда в Нормандии в известном отношении выступает перед нами как возрождение в новой политической обстановке той социальной борьбы, которая разразилась в Нормандии десятью годами раньше в форме восстания «босоногих».

Свое понимание Фронды Ложье выразил во введении такими словами: «Фронда, рассматриваемая с самой общей точки зрения, была

³ Е. Косман пп. *Op. cit.*, p. 259.

⁴ *Ibid.*, p. 260.

⁵ *Ibid.*

⁶ P. Logié. *La Fronde en Normandie*. Amiens 1952, t. I-III. Об этом исследовании я имел возможность только упомянуть в указанной монографии как о диссертации, защищенной в Сорбонне, но еще не опубликованной.

одновременно и неудавшейся революцией и последней попыткой оппозиции феодального духа королевскому абсолютизму; она и связана с далеким прошлым Франции, и является до известной степени предвосхищением событий конца XVIII в.». Парижские парламентарии, при всей неустойчивости их принципов, были предками Учредительного собрания 1789 г., а принцы, боровшиеся с Мазарини, были потомками средневековых феодалов. «Что касается народа, который в Париже воздвигал баррикады Фронды и который, особенно в провинции, страдал от жестокостей солдатчины обеих партий, то столетие спустя мы видим его участвующим при почти аналогичных условиях в великих революционных событиях, а в прошлом он же выносил на себе всю тяжесть междоусобных и внешних войн». Ложье при этом возражает против того, чтобы видеть только в парижской Фронде «эскиз революции 1789 г.», а в провинциальной Фронде замечать только то лицо Фронды, которое обращено к прошлому⁷. Он стремится и в Нормандии выявить и сопоставить обе тенденции.

Точка зрения Ложье в значительной степени опирается на факты, хотя автор далек от марксистского анализа и объяснения Фронды. От эмпирических концепций такого рода надо идти вперед, к научному анализу.

Задача исследователей Фронды состоит, очевидно, в том, чтобы вполне объективно вскрыть в истории этого полного противоречий общественного движения, с одной стороны, черты буржуазно-демократические, прогрессивные, революционные, с другой — черты реакционной феодально-аристократической смуты. В настоящей статье будет рассмотрен в таком плане один частный, специальный вопрос: о взаимоотношениях разных французских общественных сил в период «второй Фронды» («Фронды принцев») с английской республикой 1650 — 1653 гг. Поскольку в тот момент всемирной истории именно английская революция представляла безусловно и неоспоримо самое прогрессивное явление, постольку связи с ней в немалой мере могут послужить критерием для распознания разных тенденций во французской общественной борьбе тех лет. Но в то же время надо будет учесть и борьбу разных сил и тенденций в недрах самой английской республики, быстрое эволюционирование индипендентского руководства в сторону контрреволюции.⁴

В другой статье⁸ нами была рассмотрена идея параллелизма, сходства между событиями Фронды и английской революции, пропагандировавшаяся на страницах листовок и памфлетов Фронды как антиабсолютистского, так и абсолютистского направления. В этой прессе, как и в других памятниках французской общественно-политической мысли первого периода Фронды, сплошь и рядом встречаются сближения парижского парламента с английским, Мазарини — со Страффордом, Анны Австрийской — с Карлом I, вождей Фронды — с Ферфаксом и Кромвелем. Но мало-помалу параллели начинают уже в 1649 г. уступать место противопоставлениям. На материалах 1650—1653 гг. мы увидим, как подготавливалось окончательное превращение исходных позиций в собственную противоположность.

В немалой мере карты смешивало пребывание во Франции вдовы и

⁷ P. Logié. Op cit., p. 7.

⁸ Настоящая статья служит продолжением двух предшествовавших: «Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир» («Средние века», вып. 3, 1951) и «Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию» («Средние века», вып. 8, 1956). Кратким резюме всей этой небольшой трилогии является гл. 20 во II томе коллективной работы «Английская буржуазная революция XVII в.». М., 1954.

сыновей казненного Карла I вместе с большим числом английских аристократов. Вдова английского короля, Генриетта-Мария, тетка малолетнего Людовика XIV, старалась все свое влияние во Франции употребить на организацию интервенции против английской республики. Для этого ей надо было добиваться прекращения во Франции гражданской войны. Ее позиция волей-неволей оказывалась близкой к позиции умеренных фрондеров, которые тоже искали примирения с двором на некоторых условиях и не имели бы ничего против, если бы при этом королевские вооруженные силы оказались отвлеченными от внутренних дел интервенцией в Англию. Когда двор покинул Париж, Генриетта-Мария осталась в Лувре, надеясь играть роль примирительницы. Фрондерская пресса приписывала ей и ее окружению ряд высказываний, подчеркивавших верноподданные чувства французов, обвинявших в гражданской войне чуть ли не одного Мазарини, призывавших двор к уступкам и к облегчению бедствий, вызвавших общественное волнение, — словом, звучавших в духе умеренной Фронды⁹. В 1652 г. по поручению Генриетты-Марии ее второй сын, герцог Йоркский (будущий Яков II), официально выступал перед Анной Австрийской в роли мирного посредника, доказывая, что продолжение гражданской войны может иметь для Франции самые пагубные последствия. Словом, как писал Лорэ в своей версифицированной политической хронике:

Королева и король Англии

Сделали все возможное,

Чтобы постараться умиротворить войну¹⁰.

Умеренно-фрондерская пресса расценивала эти усилия к примирению, как сочувствие Фронде. Правда, народная масса, по-видимому, не очень-то поддавалась этому заблуждению, о чем мы можем судить, например, по такому эпизоду. 6 июня 1652 г., в момент, когда в Париже фрондерские войска готовились атаковать войска изменившего Фронде Карла Лотарингского, оба сына Карла I примчались галопом, с криками «Мир! Мир!» и, внеся замешательство, дали возможность войскам Карла Лотарингского ретироваться. Возмущенная толпа преследовала английских принцев до самого Лувра, где они от нее скрылись, и кричала: «Они хотят нам несчастий, они хотят так же погубить Францию, как губили Англию»¹¹. В этих народных криках, как и в появившемся по этому поводу памфлете «Британская змея», перед нами снова мотив аналогии, а не противопоставления. Но все же, в целом, «миротворческая» позиция находившихся во Франции Стюартов, исходивших из собственных корыстных интересов, весьма содействовала извращению политической перспективы: Стюарты оказывались как бы союзниками Фронды, по крайней мере умеренных фрондерских группировок, тем самым и Фронда оказывалась союзником Стюартов, а значит, и врагом английской республики.

Разумеется, все эти тенденции определились не сразу и не без колебаний. В 1650—1653 гг. довольно сильно проявлялись и обратные тенденции — к получению Фрондой прямой помощи со стороны английской республики. Ведь столь распространенные во французской, отчасти и в английской, прессе аналогии и параллели между Фрондой и английской

⁹ См., напр., *Remontrance de la reine d'Angleterre à la reine régente etc.*, 1649; *Lettre de la reine d'Angleterre à la reine régente, en faveur de la France et pour la paix du royaume*, 1649; *L. D. A. Lettre d'un seigneur français envoyée au prince de Galles etc.*, 1649; *Réponse de la reine d'Angleterre au prince de Galles son fils*, 1649; *Le véritable entretien etc.*, 1652; *La harangue du roi de la Grande Bretagne etc.*, 1652.

¹⁰ *Loret. Muse historique*, t. I, p. 237—238.

¹¹ *Mlle de Montpensier. Mémoires*, p. 116.

революцией не могли не вызывать мысли о возможном вмешательстве английских индепендентов в борьбу, раздиравшую Францию: если Мазарини пока что не смог вмешаться в английские дела на стороне роялистов, почему бы Кромвелю, после установления республики и упрочения ее положения, не перехватить инициативу и не оказать поддержки французским фрондерам, обеспечив им этой поддержкой перевес, а следовательно, и поражение французского абсолютизма? Ближайшей целью такой поддержки могло быть разжигание гражданской войны во Франции, что исключало бы возможность интервенции в Англию; более отдаленной — распространение и торжество принципов английской революции на континенте Европы.

Что касается этой последней идеи, то она была глубоко присуща английской революции, самым различным ее течениям и деятелям — индепендентам, левеллерам, диггерам, людям пятой монархии, и почти может быть названа официальной доктриной¹². Дело идет не только о вере в повсеместное торжество данных принципов в силу их истинности, но и о необходимости активного содействия этому как путем организации пропаганды в других странах, так и с помощью английских армии и флота. Сами лидеры и военачальники провозглашали это неоднократно. Хью Петерс, выступая в палате общин в декабре 1648 г., заявил: «Эта армия может вырвать с корнем монархию не только здесь, но и во Франции и в прочих окрестных королевствах». Оливер Кромвель, по-видимому, не имел ничего против, когда в 1650 г. поэт Эндрью Марвелл провозглашал, что он, Кромвель, «вскоре появится в решающий момент как Цезарь — в Галлии, как Ганнибал — в Италии, и во всех несвободных государствах»¹³. Диггеры со своей стороны, например, в памфлете «Воззвание ко всем англичанам», выпущенном в 1650 г. Джерардом Уинстенли и рядом других, возвещали, что наступило время, когда и в других странах кроме Англии цепи рабского страха будут разбиты и падут с сердец людей. «Глаза народа всей страны обращены на вас; нет, я думаю, можно сказать — всех соседних наций, в ожидании увидеть, что вы сделаете», — писал Уинстенли в обращении к Кромвелю в 1651 г.¹⁴ Командовавший английским флотом, уже тогда сильнейшим в мире, адмирал Роберт Блэк, прибыв в 1651 г. в Испанию, публично заявил, выступая в Кадиксе, что монархия — такая форма правления, от которой мир устал, и он думает, что все страны вскоре уничтожат тиранию и станут республиками. «Англия уже сделала это, Франция оказалась следующей в своем пробуждении, а поскольку природная тяжеловесность испанцев сказывается в некоторой замедленности их действий, он, Блэк, дает им десять лет на революцию в их стране»¹⁵. Во время сессии Малого парламента 1653 г. «люди пятой монархии» проповедовали, что флот Блэка должен нести евангелие к неправым¹⁶. Джон Мильтон в памфлете «Вторая защита народа Англии» в 1654 г. восклицал, что он уже провидит, как все нации земного шара, вдохновленные английским примером, «возвращают себе свою давно утраченную свободу»¹⁷.

¹² С. Hill. The english Revolution and the Brotherhood of Man. «Science and Society», 1954, vol. XVIII, N 4.

¹³ Цит. по С. Hill. Op. cit., p. 297—298.

¹⁴ G. Winstanley. The works. New York, 1941, p. 411, 502; Уинстенли. Избранные памфлеты. М.—Л., 1950, стр. 183.

¹⁵ Calendar of State Papers, Venetian, t. XXVIII (1647—1652). London, 1927, p. 169—170; Clarendon State Papers, t. III. 1786, p. 27.

¹⁶ С. Hill. Op. cit., p. 298.

¹⁷ J. Milton. Prose Works, t. I, p. 220.

Но наряду с этим убеждением во всеобщем, всемирном характере дела английской революции, политику индипендентской республики в отношении Фронды во Франции вдохновляла и более практическая надежда: что гражданская война во Франции сделает невозможным осуществление грозного плана европейской контрреволюционной интервенции в Англию.

Едва лишь республика встала на ноги, как Кромвель и его сподвижники начали прощупывать возможность сближения с партией Фронды во Франции. В 1650 г. во Францию был направлен сэр Генри Вэн Младший, по словам Ретца, «крупный парламентарий и в высшей степени доверенный человек Кромвеля»; действительно, он был одной из самых влиятельных фигур в правительстве индипендентской республики. Уже с этого первого шага обнаружилась затруднительность для английского правительства связаться непосредственно с широкими массами Франции, борющимися против существующего режима, необходимость искать прежде всего контакта с «вождями», тогда как именно «вожди» (в особенности после окончания «парламентской Фронды») меньше всего выражали сущность движения и меньше всего были революционерами: это была кучка знати, теснившаяся около власти и домогавшаяся власти. Кромвель передал через Генри Вэна кардиналу Ретцу, умному политика-ну, претендовавшему в ходе Фронды на роль «народного трибуна», что «чувства, выказанные последним в пользу общественной свободы, вызвали у него (Кромвеля) желание установить с ним тесную дружбу»¹⁸. Но, разумеется, Ретц мог в лучшем случае немного поддипломатничать с английской республикой. По его собственным последующим словам, он «не ответил и не сделал ничего такого, что не было бы достойно истинного католика и доброго француза»¹⁹.

Эти два момента — религиозный и национальный — и в дальнейшем затрудняли все попытки контакта, но главным затруднением был все же полный отрыв, можно сказать — чудовищный и противоестественный, «вождей» движения Фронды от его глубоких народных основ. Фронда на этом этапе представляла, по образному выражению Тьерри, «пельмель из аристократических заговоров и народных бунтов»²⁰. Именно с верхушечным слоем, с аристократическими заговорами, пришлось главным образом иметь дело Генри Вэну и другим эмиссарам Кромвеля, и естественно, что обе стороны, несмотря на взаимную заинтересованность, внушали друг другу преимущественно неприязнь и недоверие. Регулярная переписка Генри Вэна с Ретцем продолжалась по меньшей мере до конца 1653 г. В 1651 г. Кромвель прислал для сношений с официальными вождями Фронды — принцами Конде и Конти — в качестве своего доверенного лица некоего Ступа (Stoore)²¹. С ним обсуждались очень далеко идущие проекты, вплоть до предоставления французского порта для высадки английских войск²². Одновременно в Лондон были направлены уполномоченные принца Конде — сначала Ривьер, затем Ла Баррьер, Кюньяк, позже и другие лица. В 1651—1653 гг. сношения и переговоры носили очень оживленный характер. Но результаты их были зыбки.

С одной стороны, принц Конде не хотел подлинного сближения с английской республикой, как не хотел он внутри Франции, в частности в Бордо, действительных успехов своих формальных союзников и сто-

¹⁸ Retz. Mémoires... «Oeuvres», t. III, p. 115—116.

¹⁹ Ibid., t. IV, p. 267.

²⁰ A. Thierry. Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers état. Paris, 1853, p. 196.

²¹ Может быть это был A. Scroope, полковник парламентской армии?

²² V. Cousin. Madame de Longueville, t. II, 1895, p. 292—293.

ронников — мелкобуржуазных демократов и республиканцев. В своих внешнеполитических интригах он гораздо охотнее сближался с Испанией чем с Англией. Более того, ведя переговоры с Кромвелем по расчету, Конде, по-видимому, по влечению сердца, имел тайные связи с находившимся во Франции в эмиграции Карлом Стюартом (будущим Карлом II). Довольно естественно, что Мазарини, хорошо осведомленный об этом, постарался расстроить шаткое сближение английской республики и французской Фронды. Уже в 1651 г. Мазарини послал в Англию своего агента Жантилло с некоторыми авансами по поводу возможности признания Францией правительства республики, которые, однако, были там сурово отвергнуты. Позже Мазарини не раз возобновлял свои попытки и одновременно компрометировал Конде в глазах англичан сообщениями о его связях с Карлом Стюартом²³.

С другой стороны, и Кромвель не испытывал влечения к искреннему сближению с Конде. Этот принц крови был по духу бесконечно далек английской революции. Уполномоченный Кромвеля Ступ в результате своей миссии во Франции составил весьма неблагоприятное мнение об авантюристической и беспринципной политике Конде и его окружения²⁴, мнение, которое несомненно должно было усилить холодность Кромвеля. Очень характерно перехваченное тайное донесение из Англии во Францию, сохранившееся в бумагах государственного секретаря Терло: в июне 1653 г., т. е. когда война Англии с Голландией близилась к концу, а походы в Ирландию и Шотландию были уже закончены, автор донесения писал: «Наш генерал (Кромвель) считает, что его армии нехорошо долго оставаться в бездействии; и если бы только он мог быть уверен, что принц Конде проявит в действительности столько же любви к свободе, как об этом говорит, он уже в этом месяце послал бы свою армию во Францию»²⁵. Но именно никаких признаков искренней преданности «свободе», т. е. принципам буржуазного общественно-политического устройства, Конде не обнаруживал.

В конце концов Кромвель должен был выбирать: либо через голову Конде непосредственно искать опоры в буржуазно-демократических движениях во Франции, которые Конде и его окружение поддерживали лишь формально, либо искать союза не с Фрондой, а с правительством Мазарини. Обстановка в Англии не давала Кромвелю возможности сразу сделать выбор. Еще царившие в стране революционные настроения не позволяли избрать второй путь. Но уже завершившийся поворот к обузданию революционных сил в Англии делал крайне затруднительным и первый путь; то, что было все же сделано в этом направлении в 1651—1653 гг., было сделано, как мы ниже увидим, не столько индипендентами или самим Кромвелем, сколько той частью левеллеров, с которой индипендентская республика сначала еще сотрудничала.

Первые сведения о попытке организовать реальную вооруженную поддержку Фронды со стороны английской республики относятся к июню — августу 1650 г., т. е. еще к финалу «первой Фронды». Они связаны с событиями, разыгравшимися тогда в Бордо, который на протяжении всей истории Фронды оставался важнейшим очагом движения²⁶. В связи с распоряжением правительства Мазарини во что бы то ни стало подавить

²³ V. Cousin. *Op. cit.*, p. 294.

²⁴ C. Federn. *Mazarin*. 1934, p. 295.

²⁵ A collection of the State Papers of John Thurloe, vol. I. 1742, p. 320

²⁶ Некоторые данные о народном восстании в Бордо в 1635 г. и о начале Фронды в Бордо и Гиени в 1648—1649 гг. см. в кн.: Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М., 1948.

этот очаг, венецианский посол в Париже Морозини доносил в Венецию, что это может побудить бордосцев обратиться за помощью к Англии, которую не придется долго уговаривать, поскольку ее отношения с французской монархией неприязненны. Венецианский посол в Мадриде Базадонна сообщал целую серию слухов о том, что такое соглашение уже осуществляется. Так, 8 июня 1650 г. он писал, будто барон Баттевиль получил от английского правительства для обороны Бордо помощь кораблями и отрядами; 28 июля — будто десять английских кораблей находятся в устье Гаронны, т. е. в Бордо, а английский флот, находящийся у берегов Португалии, блокирующий там в устье Тахо флот принца Руперта, тоже направляется на помощь восставшим бордосцам; 30 августа — что последние послали доверенное лицо договориться с начальником этого английского флота, стоящего в устье Тахо, об оказании им помощи, и поднесли ему ценный, ювелирный подарок²⁷. Переговоры эти, по-видимому, остались незавершенными, поскольку Мазарини в сентябре 1650 г. форсировал осаду Бордо и успел овладеть им.

Вскоре Мазарини предпринял, по-видимому, уже и попытку переговоров с Кромвелем. Некий г-н де Саломон, отправляемый в Англию под предлогом переговоров об имуществе французских купцов, в докладной записке от 19 декабря 1650 г. делится с Мазарини своими соображениями: «Если ваше преосвященство найдет удобным завязать со своей стороны некоторые частные переговоры с генералом Кромвелем, я не сомневаюсь, что именно от него будет зависеть успех договоров с Англией. Покойный кардинал де Ришелье пользовался этим средством весьма успешно, ведя непосредственно от своего имени и под свою частную ответственность переговоры с главарями парламента». Далее автор докладной записки характеризует возрастающую в английской республике власть Кромвеля, опирающегося на мелкий люд под предлогом свободы и на армию, поставив членов парламента в зависимость от себя. Наконец, автор сообщает, что среди французских буржуа и купцов он широко распространяет сведения о своей командировке в Англию, чтобы заставить их понять заботу, проявляемую кардиналом Мазарини как об общем благе государства, так и об интересах частных капиталов^{27а}.

Однако этот зондаж не дал успеха, и менее чем через год, уже в разгар «второй Фронды», мы видим дальнейший этап развития планов союза Кромвеля с Фрондой.

В октябре 1651 г., тотчас после окончания шотландской кампании Кромвеля, перед правительством английской республики со всей конкретностью стоял вопрос о вмешательстве в гражданскую войну во Франции. Государственный Совет серьезно дискутировал вопрос об отправке экспедиционного корпуса. Местом высадки намечался порт Ла-Рошель. Это был, по-видимому, именно тот порт военного типа с гарнизоном, который предложили уполномоченные фрондеров, одновременно соблазнявшие англичан предоставлением им права свободной торговли во всей французской провинции Гиень. Формальным основанием для посылки английских войск являлась соответствующая просьба муниципалитета Ла-Рошели²⁸.

²⁷ Calendar of State Papers, Venetian, t. XXVIII, p. 103, 148, 151, 199; С. И. Архангельский. Народно-освободительные движения в Юго-Западной Европе в период английской революции. «Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР», 1954, вып. 3, стр. 103—104.

^{27а} Archives historiques du département de la Gironde, t. XIII, Bordeaux, 1871—1872, № СХСІ. р. 505—507.

²⁸ R. В. Merriman. Six Contemporaneous Revolutions, 1938, p. 176—179; С. Hill. Op. cit., 299—300.

Было, по-видимому, решено направить одновременно (или, может быть, раньше, в качестве отвлекающей операции) десантные части и в порты провинции Нормандия, которая, как и Гиень, являлась одним из главных очагов Фронды. В ноябре 1651 г. у берегов Нормандии появился английский флот с посаженными на суда войсками, что создало во Франции впечатление о подготовке десантной операции, т. е. начале сухопутной войны²⁹. Однако этот флот был отозван и операция отменена. Во всяком случае, шли не только долгие переговоры, но и практические приготовления к посылке английских войск, по словам одного враждебного свидетельства, «дабы довести и Францию до того плачевного состояния, в котором ныне находится Англия», или, по словам другого, дабы помочь Франции обрести «драгоценную свободу», установленную республикой в Англии, тем путем, на котором настаивали фрондерские представители перед английским парламентом³⁰.

Однако в тот момент, в октябре — ноябре 1651 г., вопрос об экспедиции во Францию был в конце концов решен отрицательно. Это объясняется не только отмеченными внутренними противоречиями, характеризующими и Фронду, и английскую республику, но и международным положением последней: 9 октября 1651 г. был издан «Акт об увеличении торгового флота и поощрении мореплавания английской нации» (знаменитый «Навигационный акт»), означавший обострение отношений с Голландией. Если планы союза и даже унии с Голландией (Республикой Соединенных Провинций), которые до этого индипенденты довольно настойчиво пытались осуществить, должны были создать благоприятную обстановку для вмешательства англичан во французскую гражданскую войну, то теперь, напротив, на горизонте появилась грозная туча войны с Голландией, а значит одновременные военные действия на территории Франции были бы безрассудны. К тому же в конце октября парламент вынужден был принять постановление о посылке военной экспедиции в заокеанские владения.

Начавшаяся через несколько месяцев англо-голландская война сделала неосуществимыми помыслы о поддержке Фронды вплоть до июня — июля 1653 г. Эта война была, таким образом, крайне благоприятна для правительства Анны Австрийской и Мазарини, и недаром поэтому последний употребил все дипломатические средства, все связи с оранжистской партией в Голландии для содействия ее возникновению.

Но все же для английской республики это было лишь отсрочкой в решении вопроса об отношении к Фронде, отсрочкой, в течение которой неизмеримо шире раскрылись возможности контакта с более глубокими, более прогрессивными силами этого общественного движения во Франции. Дело в том, что тогда же, в 1651 г., когда готовилась вооруженная интервенция во Францию, были приняты меры для засылки туда отважных пропагандистов, организаторов взаимопонимания английских революционных войск с передовыми элементами французского общества. Части этих агентов удалось нащупать наиболее благоприятные очаги для своей деятельности. За два года пребывания во Франции они успели достигнуть чрезвычайно многого — если не в количественном смысле, то в идейно-политическом. Весьма показательно, что эти новые пути и возможности англо-фрондерских связей были найдены, собственно, не индипендентами, возглавлявшими республику, а той частью левеллеров, которые временно поддерживали Кромвеля.

²⁹ «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II, стр. 30.

³⁰ R. V. Merriman. *Op. cit.*, p. 176—179. С. Н:11. *Op. cit.*, p. 299—300.

1649 год — кульминационная точка движения левеллеров. После берфордских расстрелов в мае 1649 г. оно пошло на убыль. Однако идеи левеллеров продолжали жить, и те из их бывших руководителей, которые сохранили политические позиции при Кромвелле, ввиду неудач движения в Англии, стали искать возможности воплотить в жизнь принципы «Народного соглашения» вне Англии. Искомая новая база, казалась, подсказывалась всей логикой вещей: во французском городе Бордо, столице Гиени, связанном с Англией тесными экономическими узами, Фронда приобрела ярко выраженный демократический характер. Когда во всей Франции разыгрывался уже реакционный эпилог Фронды («Фронда принцев»), в Бордо в сложном сплетении с этим политическим фоном шел подъем мелкобуржуазного революционного движения. Социальный характер Ормэ, своеобразной демократической организации, установившей подобие революционной власти в Бордо, был весьма близок к социальному характеру партии левеллеров³¹. На этой почве идейные семена левеллеров могли дать богатые плоды. К тому же и вообще среди населения Бордо, и в данном движении бордосцев наиболее активная роль принадлежала гугенотам, — тем самым здесь отсутствовала одна из существенных причин, затруднявших в других частях Франции проявление прямой солидарности с английской революцией, «еретической» в глазах католиков.

Мазарини, боявшийся воздействия английской революции на французскую «смуту», видел в Бордо и во всей провинции Гиень особенно угрожаемый в этом отношении участок (мы видели, что бордосцы действительно рассчитывали на поддержку английского флота) и именно поэтому, подавляя Фронду в провинциях в 1650 г., он не пожалел для умиротворения Бордо и Гиени ни военных сил, ни миролюбивых уступок: долгая осада Бордо обошлась ему в 6 тыс. человек, а по мирному договору с бордоским парламентом пришлось обещать амнистию всем участникам движения, уменьшение талии для населения Гиени и т. д. Однако купленное даже такой ценой замирение Бордо оказалось мимолетным. Уже в 1651 г. в Бордо начался новый подъем революционного движения. От «Фронды принцев» — «Малой Фронды» — откололась «Большая Фронда», объединявшая буржуазию и массы, а в недрах «Большой Фронды» зародилась мелкобуржуазно-плебейская организация «Ормэ». Последняя к середине 1652 г. оттеснила на второй план бордоский парламент и установила свое фактическое господство в Бордо. Город был превращен в своеобразную демократическую республику. На колокольне Сен-Мишель развевалось красное знамя. Принцам Конде и Конти пришлось примириться со сложившимся положением, чтобы сохранить хоть некоторое единство всех антимазаринистских сил. «Ормисты» и были той средой, в которой пышно расцвели самые безграничные и искренние симпатии к английской революции, ее идеям и ее делу. Еще в мае 1652 г. венецианский посол во Франции Морозини писал в Венецию, что в Бордо

---

³¹ Фронде в Бордо была посвящена диссертация А. О. Букштейна, защищенная в МГУ в 1940 г. Основные материалы об Ормэ см. А. С о л т и п а у. *L'Ormée à Bordeaux*. 1887; обзор важнейших данных см. у Е. К о s s m a n n. *Op. cit.*, p. 245—258 В упомянутой статье С. И. Архангельского «Народно-освободительные движения в Юго-Западной Европе в период английской революции» сделана попытка охарактеризовать Фронду в Бордо на основании лишь «мазаринад» и нескольких современных депеш Для характеристики социального состава того квартала Бордо (Сен-Мишель), который служил оплотом Ормэ, см. Б. Ф. Поршнев. Восстание в Бордо в 1675 г. «Докл. и сообщ. Историч. ф-та МГУ», 1945, вып. 2.

народ ежедневно собирается в известном месте³² слушать и обсуждать новости; собравшись в большом количестве, они начинают разговоры о тяжелых временах, сопоставляя это с особым благополучием Англии, что ведет к речам о свободе, к требованиям разгона бордоского парламента и создания другого, народного³³. С установлением власти Ормэ в июне 1652 г. эти массовые митинги под вязами отнюдь не прекратились,— в их атмосфере и созрели, несомненно, те замечательные идейные плоды, семена которых были брошены тут на благодарную почву английскими агитаторами.

В архивах Мазарини и Конде французскими историками было найдено два варианта документа, который они называют «планом кальвинистской республики в Бордо» и который с полным основанием можно бы назвать программой, или манифестом, ормистов. Наиболее вероятно датировать этот документ концом 1651 г.³⁴, хотя, может быть, его первоначальное зарождение относится еще к 1650 г.³⁵, а последняя редакция — к 1653 г.³⁶ Этот документ, неоценимый для характеристики социально-политических тенденций и требований ормистской партии в Бордо, является в то же время не чем иным, как видоизмененным применительно к французским условиям «Народным соглашением» английской левеллерской партии. Французские историки даже пытались трактовать его как памятник английской пропаганды, не привившейся на французской почве. В самом деле, на одном из сохранившихся экземпляров, принадлежавшем Мазарини, есть надпись: «перевод с английского», а на другом рукою Ленэ (приближенного принца Конде) написано: «Мемуар, представленный его высочеству Конти господами Сексби (Saxebrî) и Аранделом (Arandel), который я не одобряю, Англия». Тот же Ленэ писал Баррьеру в октябре 1653 г., что эти два агента призывают «подражать Англии в новом способе правления»³⁷. Действительно, известно, что в конце 1651 г. правительство английской республики, наряду с другими эмиссарами, направило в южную Францию полковника Эдуарда Сексби и еще четырех агентов (в том числе Арандела) со специальной миссией. Один из этих агентов был арестован и казнен. Сексби и Арандел, как видим, пытались поддерживать в Бордо самые радикальные антиабсолютистские настроения.

Сексби был в прошлом пламенным левеллером, одним из солдатских «агитаторов», поднявшимся затем до высокого положения в парламентской армии. Он был самой видной фигурой среди той части левеллеров, которая перешла на сторону Кромвеля и поддерживала его, но лишь постольку, поскольку верила, что Кромвель сможет осуществить их идеалы. Однако к концу 1651 г. наверное уже складывалось то разочарование, которое открыто и резко проявилось после установления протектората два года спустя. Отправка полковника Сексби с революционной миссией во Францию, по-видимому, удовлетворяла тайные желания и его, и Кромвеля. А именно: терять надежды в Англии, люди левеллерского мировоззрения, как Сексби, могли надеяться во Франции, в Бордо, осуществить свой идеал демократической республики, искаженный индипендентами. Кромвель же, подавляя левеллеров в Англии, мог не иметь ничего против

³² На окраине города, на лужайке обсаженной вязами (l'ormière), откуда и название этой народной партии.

³³ Calendar of State, Papers, Venetian, t. XXVIII, p. 238—239.

³⁴ A. Chéruel. Histoire de France sous le ministère de Mazarin, t. I, p. 58; Mazarin. Lettres..., t. III, p. 741, note.

³⁵ По мнению Бастида.

³⁶ V. Cousin. Op. cit., t. II, p. 462.

³⁷ Ibid.

того, чтобы выходцы из их рядов, верные ему, перенесли свой революционный опыт и свои крайние тенденции подальше, во Францию, тем самым разжигая там гражданскую войну.

Однако у нас есть бесспорное доказательство, что документ, о котором идет речь, не только выражал желания английских агитаторов, но был принят ормистами. На том экземпляре, который сохранился в бумагах Мазарини, рукой самого Мазарини сделана надпись: «Декларация о превращении в республику города Бордо, присланная муниципалитетом Бордо («Déclaration pour ériger en république la ville de Bordeaux, envoyée par M. M. de Bordeaux»)». Несомненно, что выражение «M. M. de Bordeaux», являющееся обычной формулой для обозначения городских властей, городского муниципалитета, означает здесь именно ормистскую организацию, захватившую власть в городе.

Документ может быть разбит на две части. Одна содержит конкретный план будущего республиканского устройства, вторая представляет своего рода революционно-демократический манифест. Именно в первой части нетрудно узнать видоизмененное левеллерское «Народное соглашение». В одной из дошедших до нас рукописей эта часть так и озаглавлена: «L'accord du peuple». Здесь воспроизведены основные идеи и даже основной план «Народного соглашения». Первые же пункты провозглашают замену абсолютной королевской власти — республикой: властью ежегодно переизбираемого «народного представительного собрания». Мы находим здесь и чисто левеллерское, чисто мелкобуржуазное ограничение «всеобщего избирательного права» — изъятие из него наемных рабочих и безработных, а также и революционную меру — лишение избирательных прав активных врагов республики: правом голоса обладают «мужчины в возрасте от 21 года и выше, не являющиеся слугами, не живущие милостыней и не способствующие сознательно действиям, направленным против нас».

Детальное сравнение этого бордоского документа с английскими текстами «Народного соглашения» дает возможность установить тождественность большого числа статей, но в то же время показывает, что перед нами отнюдь не механическое воспроизведение левеллерского документа. В разных статьях можно обнаружить влияние не одной какой-либо, но разных редакций «Народного соглашения». По-видимому, опыт Долгого парламента заставил авторов добавить особые разделы, строго ограничивающие функции будущего «представительного собрания»: 1) «Права, данные народом парламенту», 2) «Дела, оставленные народом вне ведения парламента». Впрочем, и здесь многое перекликается с «Народным соглашением». Но самое интересное, что текст тщательно приспособлен к французским условиям и не воспроизводит ничего из «Народного соглашения», что носило бы специфически английский характер.

Следовательно, авторы даже этой части ормистской программы, которые, возможно, и были англичанами, разрабатывали ее совместно с бордоскими мелкобуржуазными революционерами. Это — документ не наносный, а ориентирующийся на настроение бордоских масс. Проповесть демократической республики здесь именно потому и оказалась уместной, что умы уже явственно склонялись к этой идее. Так, еще в августе 1650 г. Мазарини в одном из писем к Ле Телье упоминает о том, что некий священник в Бордо прямо проповедует народу республику, утверждая, что «город очень хорошо расположен для этого» и что необходимо установить «свободное и независимое правительство»³⁸.

³⁸ M a z a r i n. Lettres..., t. III, p. 741.

Вторая часть — «Манифест, объявляющий мнение народа и жителей Бордо» — окончательно подтверждает впечатление о наличии у этого документа глубоких не только английских, но и французских корней. Этот манифест носит чисто французский характер, но и в нем требования, вызванные конкретной обстановкой Франции, переплетаются с идеями английских левеллеров. Вряд ли его писали англичане: в нем слишком много идейных мотивов, характерных для памфлетной прессы Фронды, — он говорит о праве народов восставать против тиранов, о положении угнетенных народных масс Франции, о непосильных налогах и т. д. Но заключительные требования снова воспроизводят многое из левеллерского «Народного соглашения».

Анализ социально-политического содержания этого манифеста уже давался мною³⁹ и С. И. Архангельским⁴⁰, и здесь нас интересует только специальный вопрос о соотношении его английских и французских истоков. Оба автора сошлись в выводе, что документ бесспорно отражает французскую действительность и имеет французские идейно-политические корни, а в то же время несет отпечаток и сильного английского влияния. Однако мы расходимся в характеристике источников этого влияния. С. И. Архангельский, признавая влияние левеллерской идеологии на республиканский политический идеал манифеста, в то же время на первый план выдвигает влияние идеологии диггеров на социальную программу этого документа. «Призывы Уинстенли нашли в Бордо мощный отзвук», — утверждает С. И. Архангельский и критикует авторов манифеста за непоследовательность, поскольку «они обращаются к планам диггеров» в разрешении социального вопроса, «но останавливаются на полпути». Нам представляется совершенно недоказанным наличие какой бы то ни было связи этой ормистской программы с идеями Уинстенли и диггеров. С. И. Архангельский делает свой вывод всего лишь из содержащегося в ней требования полного уничтожения феодальной юстиции и особенно из пункта 17-го, гласящего: «Пусть всякое подчинение или права на рабское повиновение городов и деревень, данные сеньерам, что служит основой тирании, будут сразу отменены». Нет оснований назвать это «немедленной отменой феодализма», «ликвидацией феодализма», как делает С. И. Архангельский, тем более — попыткой «разрешить и социальный вопрос, который обходили левеллеры и ормисты». Требование действительно носит яркий антифеодальный характер, но непосредственно направлено лишь против неравенства юридического, против политических прерогатив и прав сеньеров, как «основе тирании», что вполне входит в рамки левеллерского понимания «равенства» и «свободы». Да и не могло быть диггерских социальных идей в этом документе, явно рассчитанном на симпатии не только крестьянства и городских ремесленников, но и буржуазии (требование «свободы торговли», в том числе с Англией, и др.), т. е. призванном играть роль широкой буржуазно-демократической платформы.

Таким образом, перед нами бесспорный факт большой идейной близости, как бы синтез двух программ — левеллерской и ормистской, факт, объясняемый сходным классовым характером обеих партий. В то же время в манифесте налицо многочисленные ссылки на существующие законы и порядки английской республики, как на высший образец. Вожди радикальной бордоской Фронды прямо предпосылают этому документу торже-

³⁹ Б. Ф. Поршнев. Народные восстания ..., стр. 569—570

⁴⁰ И. Архангельский. Народно-освободительные движения..., стр. 106—110.

ственную клятву не идти на переговоры, не складывать оружия, доколе потребуется «поддерживать интересы свободного народа, подражающего примеру более справедливых и лучше управляемых республик»⁴¹.

Вся Франция знала, что это левое крыло Фронды, бордоская Ормэ, подражает примеру англичан. Вот, например, несколько строф из весьма распространенной стихотворной хроники Лорэ «Историческая муза». Еще в 1650 г. Лорэ сообщал читателям о намерениях бордосцев:

Говорят, что к ним по морю
Из Англии вскоре прибудет помощь,
И хвалится ныне Бордо открыто,
Что наподобие Англии станет республикой.

В 1651 г. Лорэ свидетельствовал:

В Бордо господа ормисты
Так притесняют роялистов,
Что те уже не могут без страха
Сознаваться в любви к королю.

В 1652 г. Лорэ сообщал, что согласно письмам, получаемым из Бордо,

Господа бордосцы,
Подстрекаемые кое-какими англичанами,
Не хотят больше быть монархистами,
А желают стать кромвелистами.

В 1653 г. Лорэ рассказывал уже о последнем этапе борьбы осажденных бордосцев — они будто бы послали депутатов в Англию:

Сказать Кромвелю громогласно,
Что если он срочной поддержкой
Окажет им помощь против Франции,
Которая очень их прижимает,
То все они — народ, граждане, муниципалитет —
Без того, чтобы их пришлось завоевывать,
Сами отдадутся Англии
Со своими душами, телами, требухой и кишками.

Тут же Лорэ указывает на два уже знакомых нам препятствия к осуществлению этих планов. Во-первых, на национальное:

Думаете ли вы, что легко будет
Сносить позорное иностранное иго?

во-вторых, на религиозное:

Все духовенство противится,
Чтобы этот сумасбродный народ
Протянул руку великому Кромвелю,
Который не папист и не католик⁴².

О планах бордосцев Франция знала и из разнообразной другой информации, в том числе из многочисленных листовок («мазаринад»), издавав-

---

⁴¹ Chéruel. Op. cit., loc. cit. Остальной текст см. V. Cousin. Op. cit., t. II, p. 464—475

⁴² Loret. Op. cit., t. I, passim.

шихся в Бордо и в Париже, а также и из издававшихся в Лондоне на французском языке «Текущих новостей» («Nouvelles ordinaires»). Это важно подчеркнуть, потому что планы бордосцев и их английских советников вовсе и не были рассчитаны только на Бордо или на одну Гиень. Так, одна из изданных в Бордо в 1652 г. листовок, тоже носившая название «Манифест бордосцев», заявляет, что Ормэ установила демократическое правительство (Gouvernement Démocratique) и выражает надежду, что вся Франция одобрит эту политику и что лавры бордосского правительства распространятся на все королевство, по крайней мере прежде всего там, где не хотят видеть господства Мазарини⁴³. Словом, Бордо рассматривался лишь как исходная и опорная база для демократического преобразования всей Франции.

На поддержку каких социальных сил мог быть рассчитан этот план? Как уже сказано, манифест, рассмотренный выше, выдвигал и чисто буржуазные лозунги, вроде свободы торговли, подчеркивал нужды и интересы горожан вообще, однако с наибольшей силой описывал бедствия крестьян и именно крестьянство брал под особую защиту. И это отвечало не только природе данного мелкобуржуазного, демократического движения, но и представлению английских революционеров о том, что во Франции именно крестьянство является наиболее угнетенной и наиболее рвущейся к свободе силой, на которую можно опереться⁴⁴. Еще в 1645 г. Хью Петерс говорил в проповеди перед обеими палатами парламента, ассамблеей богословов и олддерменами Лондона: «И французские крестьяне, удерживаемые в благоговейном страхе, но стремящиеся к своей давно утраченной вольности, и нидерландцы оглядываются сейчас на то, как соседняя Англия своей кровью цементирует свои стены и несчетными тысячами шиллингов покупает свою свободу»⁴⁵. В этих словах сквозит, между прочим, убеждение (отвечавшее действительности, вопреки легендам французской католической историографии), что значительная масса французского крестьянства в душе настроена не католически, а сохраняет верность реформации, которую оно поддерживало в XVI в. В самом деле, в ряде провинций Франции, являвшихся важнейшими очагами народных восстаний, по крайней мере в тех, которые прилегали к побережью, в крестьянской массе и в XVII в. были широчайшим образом распространены традиции вальденства и кальвинизма (сливавшиеся подчас в общем смутном понятии «гугенотства»). Это должно было весьма облегчить вмешательство английской республики во французскую смуту. Известно, что к южнофранцузскому вальденству Кромвель и позже проявлял большое внимание, претендуя на роль его защитника.

Были ли в действительности налицо среди этих и других слоев населения Франции такие же, как в Бордо, ожидания английского вторжения и готовность оказать ему поддержку? Есть данные о настроениях и волнениях такого рода среди гугенотских народных масс Лангедока, Нормандии. Есть и косвенное свидетельство одного парижского памфлета 1652 г. о широко распространенном во Франции ожидании английского вторжения, хотя автор этого памфлета как раз старается доказать необоснован-

---

⁴³ Le Manifeste des burdeeois, contenant le recit véritable de ce qui s'est passé dans la ville de Bordeaux le 13 et 14 du passé, p. 7—8; ср. С. И. Архангельский. Народно-освободительное движение..., стр. 105.

⁴⁴ В этой связи можно действительно сослаться на Уинстенли, прибегавшего, чтобы подчеркнуть бесправие английских крестьян, к риторическому уподоблению его положению крестьянства «в Турции и во Франции» («Works», p. 288).

⁴⁵ Цит. по С. Hill. Op. cit., p. 297.

ность всех страхов и всех надежд по этому поводу. «Хотя республика англичан, — пишет он, — показала себя грозной по всему земному шару... все же воображаемый их переезд через море, с тем, чтобы явиться освободить нас от тирана и от тирании, это именно то, чего не следует бояться и на что не следует надеяться. Они никогда не явятся сюда с этим намерением уже по одному тому, что их сюда не зовут. При различии в религии между ними и нами, мы никогда не прибегнем к такому средству, которое противно нашей вере»⁴⁶. Надо заметить, что этот единственный аргумент автора — различие в религии — звучит все же не очень убедительно и даже не очень убежденно. По-видимому, во Франции действительно многие надеялись на приход англичан, а по примеру Бордо мы знаем, что их и звали; другие, видимо, напротив, боялись этого.

Итак, Кромвелю надо было в конце концов решать: или революционная война против французского абсолютистского правительства с опорой на французских гугенотов и на антиабсолютистское народное движение, или мир с французским абсолютизмом. Союз с вельможными вождями Фронды, с принцами Конде и Конти, сам по себе ничего не сулил, и, по-видимому, прав английский историк Гордон, утверждающий, что Кромвель и не придавал переговорам с ними слишком серьезного значения⁴⁷.

Выбор определила в конце концов политическая эволюция самого Кромвеля, развитие самой английской буржуазной революции по пути к протекторату, к контрреволюционной диктатуре буржуазии и дворянства, а не к расширению и углублению демократической революции. Внутреннее вырождение индипендентской республики предопределило ее отношение к французской Фронде не в меньшей мере, чем внутренняя эволюция самой Фронды.

Но до последнего вздоха бордоской Фронды Кромвель еще в какой-то мере колебался и как бы снова и снова выяснял возможность первого пути.

Как известно, фактическая, хотя и не объявленная, торговая морская война между Англией и Францией в Ла Манше шла не прекращаясь еще с 1648 г. На изданное во Франции запрещение покупать и ввозить шерстяные и шелковые ткани английского происхождения под угрозой конфискации их и штрафа английская палата общин в августе 1649 г. ответила контрударом, запретив ввоз в Англию аналогичных французских товаров. Каперские операции английских корсаров против французских купеческих кораблей стали еще более широкими⁴⁸. Французские военные суда в свою очередь преследовали их. Эта партизанская морская война знала даже яркие боевые эпизоды⁴⁹. Но с июня 1652 г. английская активность была сильно снижена из-за начала англо-голландской войны. По той же причине в течение первого решающего года англо-голландской войны, как говорилось выше, на задний план должны были отойти всякие помыслы о вмешательстве Англии в гражданскую войну во Франции, и уже по одному этому совершенно тщетны были в то время все обращения к Кромвелю со стороны как принцев Конде и Конти, так и бордосцев.

В 1651 г. эмиссар де Ривьер, а с 1652 г. эмиссары принцев де ла Баррьер, де Бриенн и особые депутации настойчиво добивались от английского парламента посылки войск на помощь Бордо. Средством экономического давления служило не только предложение англичанам свободной торговли через Бордо с Гиенью и Гасконью, с тем, чтобы совершенно вытеснить оттуда голландцев, но и предупреждение, что в случае отказа англичан бор-

⁴⁶ «Des cantelés de la paix etc.». Paris, 1652.

⁴⁷ G. S. Gordon. The Fronde, 1905, p. 62.

⁴⁸ «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II, стр. 30.

⁴⁹ Federп. Op. cit., p. 486.

досцы принуждены будут организовать сбыт своих вин и других товаров иным образом (т. е. голландцам). Средством дипломатического давления служило обещание английской республике военного союза с Испанией, которая уже 17 лет вела войну с Францией и поэтому охотно заключила теперь союз с принцем Конде как вождем Фронды; иными словами, предлагался тройственный союз Испании, Англии и Фронды, контролировавшей немалую часть французской территории, против абсолютистского правительства Франции⁵⁰.

Но правительство английской республики оставалось безразличным ко всему этому давлению. Правда, оно ни мало не сближалось и с абсолютистским правительством Франции. Направленный последним в Англию в декабре 1652 г. официальный посол Антуан де Бордо не был признан под тем предлогом, что его верительные грамоты были адресованы не «республике Англии», а «парламенту английского народа». Только через четыре месяца, оставаясь в Лондоне в качестве неофициального лица, Антуан де Бордо вступил в контакт с английскими дипломатами и получил заверения в возможности заключения торгового соглашения⁵¹, — несомненно, имевшие целью лишь отвлечь Францию от поддержки Голландии.

Но летом 1653 г. наступил поворот в отношении английского правительства к бордоской Фронде. Начался этап, когда вмешательство революционной Англии в ход борьбы, разыгравшейся во Франции, едва не осуществилось. И достигнут был этот поворот отнюдь не дипломатией принцев Конде и Конти. Гораздо большую роль сыграли энергичные призывы и действия со стороны Ормэ и, несомненно, стоявшего за спиной ормистов Эдуарда Сексби, который все это время оставался в Бордо. Во второй половине мая 1653 г., когда на подавление бордоской Фронды были направлены крупные королевские войска и населению окруженного Бордо неминуемо грозила рано или поздно или голодная смерть или гибель от руки карателей, в Лондон прибыла депутация с большими полномочиями, имевшая задачей получение во что бы то ни стало английской помощи; представителем бордоского дворянства и парламента в этой депутации считался Рене де Кё сеньер де Транкар, представителями бордоского народа — горожане Жан Бларю и Франсуа Дезерт⁵².

Однако все же и не их мольбы и уговоры вызвали поворот в отношении английской республики к французской Фронде. Причины этого поворота следует видеть в изменениях, произошедших и во внешнем и во внутреннем положении республики.

Во-первых, весной 1653 г. полностью определился перевес английского флота в войне с Голландией, и скорое окончание войны было предрешено. Во-вторых, одновременно совершился довольно крутой поворот влево в сложной, зигзагообразной внутренней истории английской республики. Он явился, несомненно, косвенным плодом большого размаха народных движений в 1652 — начале 1653 г.; в апреле-мае 1653 г. пылало крестьянское восстание в Норфолке. 20 апреля 1653 г. Кромвель разогнал Долгий парламент и Государственный Совет. По словам Маркса, это сделал сам народ в лице Кромвеля⁵³. Действительно, этот шаг означал ориентацию на народные силы революции. Кромвель, совершая этот государственный переворот, опирался на радикально-демократические пуританские секты в

⁵⁰ A collection of the State Papers of John Thurloe, vol. I, p. 216; Calendar of State Papers, Venetian, t. XXVIII, p. 240, 246; С. А. Архангельский. Народно-освободительное движение, стр. 106.

⁵¹ A collection of the State Papers of J. Thurloe, vol. I, p. 233.

⁵² Calendar of State Papers, Venetian, t. XXIX (1653—1654), p. 73.

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 7.

армии и населении, особенно «людей пятой монархии», которые в известной мере заменили собой подавленные партии левеллеров и диггеров. Из числа «людей пятой монархии» Кромвелем в значительной мере и был составлен Малый («Бербонский») парламент, на который он решил опираться. Казалось, Англия вступила в новую полосу революционного подъема. Воскресли и надежды левеллеров. Их вождь Джон Лильберн, находившийся в изгнании в Голландии, узнав об этих событиях, обратился к Кромвелю с письмом: еще недавно полный ненависти к тирану, готовый его убить, Лильберн снова возлагает на Кромвеля надежды и пишет ему, что разгон им Долгого парламента — мера, ведущая к освобождению Англии. Можно себе представить, какое впечатление должна была произвести на бывших левеллеров вроде Сексби вся эта новая революционная весна, казалось бы, вполне оправдывавшая их прошлые надежды на Кромвеля. Не исключено, что именно поэтому Сексби и Андел добились срочного отправления, через голову принцев, депутатов от Бордо в дышащий революционным торжеством и энтузиазмом Лондон.

«Святые», как иронически именовали членов Малого парламента за их страстный пуританизм, с горячим сочувствием отнеслись к делу бордосцев. Мы уже отмечали, что в этом парламенте и окружавшей его среде проповедовалась идея, что вообще миссия английского флота — нести евангелие к неправоверным. Вот пример выступления одного из «людей пятой монархии», Джона Роджерса, по поводу призыва бордосцев: «По божию закону мы обязаны помогать своим соседям как самим себе и, следовательно, пособлять подданным других государей, которые преследуются за истинную религию или находятся под гнетом тирании. Что думают наши правители, не обращая больше внимания на это? Как может наша армия оставаться недвижимой сейчас, когда ее дело — действовать за границей? Разве протестанты во Франции и Германии не подвергаются в равной мере преследованиям? И разве подданные Франции, находящиеся под железным ярмом тирании, не шлют к нам, не просят, не молят нас о поддержке? О, горе нам, «если мы не поможем господу (Книга Судий, V. 23) против сильного», ибо это сам господь посылает нас туда и зовет по крайней мере часть нашей армии во Францию... Как противно естественным законам то, что французский король хуже чем враг своим собственным гражданам и подданным, так еще более противно божеским законам, если мы, несмотря на все их призывы к нам о помощи, окажемся им хуже чем соседями». Видимо, опровергая какие-то возражения против посылки войска в Бордо, Роджерс продолжает: «Пусть не спорят так много о том, законно ли защищать чужую свободу или биться за нее, ибо если это было законно в отношении нашей собственной свободы, очевидно, что мы должны возлюбить своих соседей как самих себя. Если мы любим Христа в своем собственном народе, то почему и не в чужом?»⁵⁴

Мы цитировали выше тайное донесение из Англии во Францию, датированное июнем 1653 г., о том, что, по мнению самого Кромвеля, его армии нельзя долго оставаться в бездействии и что он готов был бы уже в этом месяце послать ее во Францию, если бы был уверен в действительной любви принца Конде к свободе⁵⁵. Но шел июль, а Кромвель, теснимый «святými», бордосцами и эмиссарами Конде, все оттягивал решение и медлил, хотя и депутаты Бордо и Ла Баррьер объясняли ему, что оборона Бордо идет к развязке, в городе свирепствует голод, недостает оружия, что в этих условиях необходимо торопиться, ибо «дни равняются годам». В конце

⁵⁴ Цит. по С. Hill. Op. cit., p. 300—301.

⁵⁵ A collection of the State Papers of J. Thurloe, vol. I, p. 320.

концов Кромвель все-таки сделал решительный шаг, который мог бы явиться переходом к большой войне с Францией: послал в помощь Бордо эскадру из десяти военных кораблей. Но колебания и промедления привели к тому, что эскадра прибыла на место уже после капитуляции бордосцев перед королевскими войсками, вступившими в город 3 августа 1653 г.

Итак, нерешительность и медлительность Кромвеля уже были выбором. Этого нельзя не связать с тем, что в политике английской республики происходил быстрый откат от революции к контрреволюции. Кромвель и офицерство ощутили вскоре разочарование в созданном ими «парламенте святых», после того как с помощью радикально-демократических сил разгромили устаревшие республиканские институты. Буржуазия и джентри хотели сильной власти над народом, а не «народного соглашения». Вернувшийся в Англию Лильберн в августе был заключен в Тауер. В декабре 1653 г. Кромвель распустил Малый парламент за покушения на священную частную собственность и порядок и принял звание лорда-протектора, установив военную диктатуру.

Это был окончательный разрыв Кромвеля с революционными традициями, одним из косвенных проявлений которого явился и фактический отказ в помощи бордоской Фронде. Для непреклонного революционера Сексби, вернувшегося в Англию тогда же, в конце 1653 г., установление Кромвелем протектората и предательство им бордоской Ормэ слились в одно — в измену революции. Он выпустил позже под чужим именем памфлет «Умерщвление — не убийство», оправдывавший тираноубийство, и открыто призывавший к умерщвлению Кромвеля. Последний со своей стороны обрушился на Сексби при открытии второго парламента протектората, клеймя его как ренегата, «лишенного совести и чести»⁵⁶.

Зато теперь довольно быстро наладились отношения протектората с французским абсолютизмом. Как мы видели, Кромвель все время вел двойственную политику в отношении Франции и никогда полностью не отталкивал руку Мазарини.

Еще в 1652 г. французский правительственный эмиссар Жантилло, находившийся в Лондоне как бы для разрешения вопроса о возвращении захваченных французских судов, негласно добился согласия английского правительства принять французского посла. В декабре 1652 г., как уже упоминалось, официальный посол Антуан де Бордо прибыл в Лондон и понемногу наладил переговоры. Он настаивал на прекращении сношений английского правительства с фрондерами, обещая за это признание Францией английской республики. Англичане со своей стороны требовали, чтобы Франция прекратила всякую помощь эмигрантам Стюартам и даже удалила Карла II из Франции, обещая в таком случае отказать в помощи принцу Конде и мятежным подданным французского короля.

Сделка между двумя государствами-антиподами, так сказать, завершившая превращение противоположностей, в конце концов состоялась. Мы не будем проследивать всю сложную цепь англо-французских переговоров, ведущую к договору 1655 г. Здесь нас интересует только идеологическая сторона этого удивительного превращения. Как мог Мазарини решиться на поддержку «республики царубийц», самое существование которой на политической карте он считал смертельной угрозой бытию французской абсолютной монархии? Было бы недостаточно сослаться на те письма Мазарини, которые показывают, что он очень опасался английской помощи фрондерам и считал, что признание Францией английской рес-

⁵⁶ «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II, стр. 21.

публики помешает Кромвелю вмешиваться во французские дела⁵⁷. Для ответа на поставленный вопрос важнее те письма и документы, которые показывают глубокое понимание кардиналом Мазарини контрреволюционных оттенков, появившихся в политике Кромвеля. Если французская пресса с середины 50-х годов с нескрываемым почтительным уважением говорит о «великом протекторе», сумевшем подавить «анархию» и создать «твердую власть»⁵⁸, то прозорливый Мазарини понял, куда идет дело в Англии, значительно раньше других. Пользуясь известным сравнением Энгельса, можно сказать, что в лице Кромвеля Мазарини признал отнюдь не Робеспьера английской революции, но ее Наполеона. Более того, признавая республику, Мазарини был глубочайшим образом уверен, что он в сущности признает новую английскую монархию, которая неминуемо в недалеком будущем и оформится как таковая, т. е., протекторат служит лишь переходной ступенью к принятию Кромвелем королевского или даже императорского титула. С удивительным, почти навязчивым упорством в письмах и инструкциях своим послан в Лондоне Мазарини снова и снова возвращается к этому вопросу — о крайней желательности коронации великого лорда-протектора и дальнейшего роста его величия и власти⁵⁹. Так снова восстанавливаются аналогия и параллелизм, но уже не между двумя «смутами», а между двумя сильными централизованными государствами — как ни была различна их классовая основа.

Итак, рассмотренный эпизод показал нам, что действительно во Фронде были налицо элементы, близкие к самому передовому движению во всемирной истории XVII в. — к английской буржуазной революции, и именно к ее демократическому, левеллерскому крылу. Этот эпизод особенно доказателен в том смысле, что свидетельствует уже не только о распространении во Франции идей и опыта английской революции через прессу Фронды, не только о горячем сочувствии известной части общественных сил, боровшихся во Франции, делу английской революции, но и о прямой связи двух революционных движений, причем о связи бордоской Фронды как раз с теми силами Англии, которые боролись за продолжение восходящей линии революции. Следовательно, историки имеют полное право сравнивать хотя бы некоторые аспекты Фронды с событиями, разыгрывавшимися по ту сторону Ла Манша, видеть во Фронде черты буржуазно-революционного движения.

Но то, что сейчас приходится доказывать, современники видели совершенно ясно. Конечно, Мазарини не располагал нашими научными понятиями для объяснения политических событий, но он отчетливо представлял себе гигантскую потенциальную силу воздействия «английского примера» на социально-политическую борьбу, разгоревшуюся во Франции. Он вполне отдавал себе в этом отчет еще в 1648 г., когда факты, к которым вынужден прибегнуть историк, еще не выплыли так отчетливо на поверхность. Наше изучение воздействия английской революции на Фронду в последующие годы — в 1649—1653 гг. — служит лишь проверкой обоснованности, правильности тех прогнозов, которые Мазарини сделал в 1648 г. Он поспешил заключить Вестфальский мир, как мы знаем, почти полностью отказавшись от всего достигнутого Францией в Тридцатилетней войне, именно потому, что в Англии пылала победоносная революция, а во Франции начиналась Фронда. ♦

⁵⁷ Mazarin. Lettres..., t. V, p. 194, 322, 511—512, 626.

⁵⁸ G. Ascoli. La Grande-Bretagne devant l'opinion française au XVII-e siècle, t. I, 1930, p. 117—119.

⁵⁹ Mazarin. Lettres..., t. VI, p. III, 121, 131—132, 135, 183, 384; t. VII, p. 127 и др.

Тематически связанные материалы

о Фронде

Е.Кожокин. Фронда: кризис французского государства в середине XVII века

Р.Москвина. Сирано де Бержерак - один из идеологов первого этапа Фронды

Революция XVII в. в Англии

В.Васютинский. Оливер Кромвель

В.Васютинский. Реставрация Стюартов

В.Семенов. Левеллеры в английской революции XVII в.

Г.Левин. Из истории демократического движения в годы английской буржуазной революции XVII в.

Т.Павлова. Уравнительные идеи

в политической литературе Второй английской республики

Европа, XVII в.

П.Губер. Общие проблемы французского дворянства.

Ж.Мейер. Дворянство Центральной Европы в XVII в.

Некоторые из трудов В.Ф.Поршнева

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#porshn>

Библиотека Vive Liberta

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm